

Ужин в доме Глории был очень обильным: хлеб, яблочный пирог, сладкая кукуруза, сырно-картофельный густой суп и горячий шоколад, от которых за длинным обеденным столом поднимался пар.

Хозяин дома Азад сидел во главе стола, остальные расположились вокруг, перед каждым стояла тарелка с его долей еды.

— Дорогой, благодарю тебя за то, что принёс нам такую обильную и вкусную еду, — прекрасная новая жена сидела рядом с Азадом и говорила эти сладкие хвалебные слова.

— Спасибо папе, папа потрудился, — сидевшая рядом с ней младшая дочь Ванесса сказала это с блестящими глазами.

— Благодарю папу за то, что он принёс нам еду, — старшая дочь Адела тоже приподняла уголки губ и очень ласково похвалила.

И такие хвалебные слова, несомненно, были приятны Азаду. Раздавая еду, он сказал своей новой жене:

— Ты тоже потрудились, заботясь о детях.

— Это всё, что я должна делать, — Грейс показала мягкую, нежную улыбку. Когда её взгляд скользнул по обеденному столу, она взяла двузубую вилку и отправила в рот разделённую еду. Это выглядело красиво и достойно, ничуть не портило её макияж и делало её и без того прекрасную внешность похожей на произведение искусства.

— О, Ванесса, нельзя брать руками. Как изящная женщина, ты должна с детства воспитывать в себе манеры за столом, — негромко сказала она, проглотив немного еды.

— Хорошо, мама, — Ванесса, после того как та осторожно вытерла ей пальцы, взяла вилку и стала подражать ей.

— Глория, — когда раздался этот мягкий, нежный голос, Глория, которая как раз ела, вдруг подняла голову и посмотрела на эту очень красивую новую жену. Она невольно сжала нож и вилку, а затем услышала, как эта новая жена с алых губ произнесла очень мягкие слова: — Сиди прямо, так подобает благородной девице.

— Да, — Глория выпрямила спину и стала медленно есть свою еду.

Она желает ей добра. Пусть она и кажется пока немного чужой, но, должно быть, она мягкий и добрый человек, думала Глория.

— Девочке следует быть такой, — Азад был весьма доволен ужином, полным аристократических манер, и весьма доволен своей новой женой, даже не удержался и поцеловал её в щёку, отчего её улыбка стала застенчивой. Они выглядели очень любящей парой.

Ложка для раздачи еды тихо стукнула о тарелку. Глория посмотрела на еду, которую зачерпнули у неё из-под носа, и сказала:

— Это моя кукуруза!

Голос её был очень тихим, но этот внезапно раздавшийся звук всё же прервал ту интимную, застенчивую атмосферу, и оба взрослых разом посмотрели на неё.

— О, Ванесса, как ты можешь зачерпывать кукурузу из тарелки старшей сестры? Это совершенно недопустимо, — нахмурилась Грейс и негромко отчитала её.

— Но я увидела, что у сестры в тарелке ещё много сладкой кукурузы, я побоялась, что она не доест, и потому помогла, — Ванесса с некоторой обидой нахмурилась, слёзы заблестели у неё в глазах, и она выглядела очень жалко.

— Это так, Глория? — мягко спросила та прекрасная новобрачная.

Свечи освещали тёмный обеденный стол, и всё вокруг казалось не слишком отчётливым, но взгляды всех, похоже, собрались на ней. Их радость, гнев, печаль и веселье были совершенно ясны, и лишь она сжалась в том маленьком тёмном уголке.

— Нет, я могу доесть... — Глория под этими взглядами тихо сказала.

— О, прости, я извиняюсь перед тобой за Ванессу. Она не должна была так самовольно распоряжаться, — сказала прекрасная новобрачная. — Ты можешь её простить?

— О, дорогая, ничего страшного, всего лишь немного кукурузы, — Азад обнял её за плечи и сказал: — Глория, ты старшая сестра, должна быть великодушной и уступать младшей.

Но... но это была та сладкая кукуруза, которую она специально оставила, чтобы съесть в самом конце.

Но мачеха уже извинилась.

— Прости, ты можешь меня простить, сестра? — Ванесса сказала это со слезами на глазах.

Как старшая сестра, нужно уступать младшей, нужно быть доброй и не соперничать с людьми.

— Да, — Глория слегка поджала губы, сжала свою ложку и сказала: — Я поняла, отец.

— М-м, вот так ты хороший ребёнок, — её высокий отец был очень доволен. Довольный, он поел, довольный, после ужина поцеловал свою новую жену и поднялся, ушёл отдыхать под одобрительные голоса всех.

Потому что он приносит в этот дом богатство и еду, позволяет им жить здесь спокойно, и его отдых — дело само собой разумеющееся, никто не должен ему мешать.

— Ты ведь согласна, Глория? — мягко сказала та прекрасная новая жена. — Думаю, он весь день был занят и должен хорошенько отдохнуть. Если что-то случится, поговорим завтра, хорошо? Ложись спать пораньше.

— Да, — Глория подняла голову, посмотрела на улыбку в уголках её губ, а затем повернулась и пошла в свою комнату.

Она должна быть добрым человеком и не должна мешать отдыху отца.

...

Солнце перед могилой было тёплым, но сидевшая там перед травой маленькая девочка молча роняла слёзы. Лишь когда снова раздался тот мягкий голос, она подняла немного покрасневшие и опухшие глаза.

— Что-то случилось? — так мягко спросил он, с заботой и жалостью.

— Господин дух... — тихо прошептала Глория.

— Тебя кто-то обидел? — мягко спросил тот голос.

— Нет... — девочка слегка сжала подол платья.

Никто её вроде бы не обижал, но она не понимала, почему ей так грустно.

— Но тебя наверняка обидели, можешь рассказать мне, что случилось? — терпеливо спросил тот мягкий голос.

— Думаю, не стоит говорить плохо о других, — в её бровях и глазах была печаль.

— Это не плохие слова, — тот голос тихо усмехнулся, но в нём не было и тени упрёка. — Просто если ты перескажешь произошедшее, даже если это не решит проблему, разговор с кем-то поможет тебе немного улучшить настроение.

Это были тоже мягкие слова, но Глории больше нравились слова господина духа, и меньше нравились слова мачехи. От такой мысли она почувствовала себя немного подлой: она отталкивает спутницу отца.

Но ей и правда было очень неудобно.

— Ванесса забрала мою кукурузу, но она извинилась передо мной, — тихо сказала Глория. — Думаю, может, мне не стоит быть такой придирчивой.

— Ты очень любишь кукурузу? — спросил тот голос.

— Да, — тихо сказала Глория.

— Она забрала твою вещь, это она поступила неправильно, — сказал тот голос.

— Но она извинилась.

— Извинение не значит, что вреда не было, и не значит, что ты должна простить. Она вернула тебе кукурузу, пообещала, что больше никогда не заберёт твои вещи, и дала компенсацию? — спросил тот голос.

Глория на миг растерялась:

— Нет.

— Тогда её извинение неискреннее, она лишь сделала вид. Поэтому то, что ты не хочешь её прощать, совершенно нормально, — сказал тот голос. — Дело не в том, что ты недостаточно великодушна и добра.

Глория никогда не слышала таких слов. Это заставило её остолбенело сидеть на месте, даже забыв вытереть слёзы, катившиеся из глаз.

Она думала: если бы младшая сестра действительно извинилась так искренне, как говорил господин дух, она бы наверняка не стала её упрекать, потому что та выглядит младше неё, а потерять отца — наверняка очень печально.

Но Ванесса этого не сделала. Она лишь легко забрала её кукурузу и без малейшей искренности

принесла извинения.

— Но мачеха тоже извинилась передо мной. Если я буду ещё что-то требовать, это будет слишком, — Глория слегка нахмурилась.

— А как к этому относится твой отец? — на этот раз господин дух не ответил на её вопрос, а мягко спросил.

— Он сказал... что как старшая сестра я должна уступать младшей, — в голосе девочки были потеря и печаль.

«Разве это не вся семья вместе издевается над ней?» — маленькая кошка поточила когти и одним словом всё прояснила.

Выглядит как извинение, а на деле — принуждение, заставляющее её опустить голову.

«Мягкий нож ранит сильнее всего», — Сюй Юань опустил взгляд и тихо сказал.

Под знаменем «желаем тебе добра» шаг за шагом давить и проверять границы: если сопротивляешься — скажут, что у тебя колючий характер и ты разрушаешь гармонию в семье; если не сопротивляешься — скажут, что ты слаба, и постепенно сделают так, что человек уже не смеет сопротивляться и становится угрюмым.

— Дорогая Глория, такого правила нет, — сказал Сюй Юань. — Вы обе ещё дети, которым нужна забота, никто не обязан уступать другому.

— Но мама говорила, что человек должен быть добрым, тогда она будет всё время смотреть за мной, — сказала Глория.

— Но доброта, которая не может защитить себя, — не доброта, а слабость. Ты всё время находишься в положении той, кого обижают, и твоей маме, когда она это видит, тоже всё время очень больно, — сказал тот мягкий голос. — Каждый раз, когда ты плачешь от обиды, её сердце будто режут ножом.

Услышав это, Глория крепко сжала своё платье. Она поняла, что должна хорошо защитить себя, чтобы мама не так волновалась.

— Но что мне делать? — в глазах Глории была печаль. — Я не могу мешать отдыху отца, он каждый день очень тяжело работает, я не хочу, чтобы такие дела его расстраивали.

— Не думай так. Он твой отец, с того самого момента, как ты родилась, он должен был о тебе заботиться. Если ты ему не скажешь, он, возможно, ничего и не узнает, — Сюй Юань смотрел в

глубину чаши. — В том доме он — единственный защитник, к которому ты можешь обратиться.

— Это так? — тихо спросила Глория. От таких слов в ней поднялась немного смелости. Может, ей и правда стоит обратиться за помощью к отцу.

— Конечно. Кроме обращения к нему, ты должна и сама себя защищать, — сказал Сюй Юань.
— Когда отца нет рядом, старайся не вступать с ними в конфликт.

— Разве это не слабость? — Глория слегка моргнула и спросила.

Тот голос тихо рассмеялся:

— Нет, это называется терпением. Твои силы ещё слишком малы, тебе трудно противостоять взрослым, но и нельзя позволять себя всё время обижать.

В глазах Глории на мгновение появилась растерянность, но она слегка сжала кулаки и сказала:

— Я попробую.

— Держись, — тихо сказал тот мягкий голос.

Глория тихо перевела дух, поднялась с земли и сказала:

— Спасибо тебе, господин дух.

— Не за что, — сказал тот мягкий голос.

Девочка медленно ушла. Её спина, полная колебаний и нерешительности, когда она направлялась к своему дому, была особенно тяжёлой и щедрой.

— Думаю, ей трудно будет противостоять такой проницательной матери с дочерьми, — Аймод слегка высунулся, посмотрел и тихо сказал, когда фигура девочки скрылась за дверью. — И её отец вряд ли станет её защищать.

Хотя он и не разузнал очень подробно об атмосфере в семье, но уже из одного только что услышанного разговора можно было понять, насколько та атмосфера удушлива и ужасна: единственный человек, способный дать ей защиту, не может разделить её положение.

— Но она должна научиться сама сопротивляться. Кроме неё самой, никто не сможет защищать её всю жизнь, — тихо сказал Сюй Юань, выходя из-за дерева.

Аймод на миг замер, догнал его и с улыбкой сказал:

— Думаю, ты прав.

Кроме себя самого, никто не может всю жизнь защищать другого человека. Даже родные — тем более, а уж чужим и подавно нельзя доверяться.

— Тогда кроме того, чтобы она сопротивлялась, мы больше ничего не будем делать? — Аймод, скрестив руки, шёл рядом с ним и размышлял.

— Конечно, нет, — Сюй Юань положил руку ему на спину и улыбнулся. — Просто пока не так срочно.

Аймод с некоторым недоумением посмотрел на него, но на этот раз ответа не получил.

...

Глория могла видеть отца дома только по вечерам, потому что он всегда был очень занят: то работа, то разные дела, требующие общения.

Только вечером он возвращался домой к ужину, но даже когда они виделись, он больше не принадлежал только ей.

Он больше не целовал, как при маме, каждый день по возвращении щёку мамы, не обнимал её. Человек, которого он целовал, сменился на другого, и за ужином теперь сидело множество людей.

Еда на столе немного отличалась от вчерашней, но сладкая кукуруза всё ещё была. Та прекрасная новая жена, раздавая еду, даже специально положила ей побольше:

— Глория, ешь побольше.

Она выглядела мягкой и красивой, даже погладила её по волосам, как мама. Это заставило Глорию невольно заколебаться.

— Ты поистине нежная мать. Передать их тебе — я так спокоен, — Азад обнял свою жену и похвалил.

— Это всё, что я должна делать. Я очень не хочу, чтобы у тебя на стороне была хоть малейшая забота, — мягко сказала Грейс. — Я люблю тебя, дорогой.

— Я тоже тебя люблю. То, что я смог на тебе жениться, — моя удача, — в глазах Азада были отрада и одобрение.

— Отец... — Глория замялась, но всё же позвала.

И этот зов, несомненно, заставил взгляды всех собраться на ней. Это заставило девочку невольно занервничать. Она не понимала, почему, когда Адела или Ванесса зовут папу, на них не смотрят все.

— Что? — интерес Азада на миг прервался, но он всё же набрался терпения и спросил.

Его вопрос заставил казавшийся шумным обеденный стол мгновенно затихнуть.

— Глория, может, поговорим после еды? Благородные девицы за столом стараются меньше говорить, так сохраняется изящество манер, — мягко улыбнулась Грейс.

— Я согласна с мамой, — без колебаний сказала Ванесса.

— Но вы ведь тоже разговариваете, разве нет? — Глория чувствовала себя неуверенно, но всё же под тем казавшимся очень мягким взглядом сказала.

— О... — на миг слова Грейс застряли. Она прикрыла рот рукой с кольцом с драгоценным камнем и сказала: — Прости, я и правда ужасно невежлива. Я лишь думала, что дома следует постоянно напоминать им о манерах. Прости, Азад, я так ужасно выгляжу?

— О, нет, дорогая, ты прекрасна, — Азад с жалостью посмотрел на неё. — Ты не виновата, не обращай внимания на слова ребёнка. Глория, извинись перед своей матерью.

— Она не... — Глория сжала вилку, собираясь возразить, но увидела потрясённый и раненый взгляд той прекрасной новобрачной.

Она поступила неправильно?

— Глория, ты меня слишком разочаровала. Извинись перед ней, — нахмурившись, прикрикнул Азад.

— О, не надо, она всего лишь ребёнок, возможно, ей не так легко принять меня, — с болью и мягкостью увещевала Грейс.

— Тогда она должна знать, что хорошо, а что плохо, а не быть такой невоспитанной, — Азад посмотрел на сидевшую там дочь. — Глория, извинись!

— Прости, — девочка остоленело сидела на месте и тихо прошептала, но в её голосе не было никаких чувств.

Это невольно привело Азада в ярость. Он тяжело ударил по столу и встал:

— Думаю, тебе нужно хорошенько обдумать своё поведение.

— Ладно, дорогой, не сердись, это всё моя вина, — Грейс погладила его по груди и увещевала.
— В следующий раз я буду внимательнее.

— Тебе не нужно быть внимательнее. Внимательнее нужно быть ей! — раздражённо сказал Азад.

— Ладно, пойди прими горячую ванну, выпей чашку горячего шоколада. Ты весь день трудился, не стоит из-за такого расстраиваться, — мягко остановила его Грейс. — Я хорошенько её научу. Не сердись.

Её мягкий тон в конце концов успокоил гнев Азада. Он решил последовать её совету и перед уходом поцеловал её в щёку, извинившись, что его гнев был не против неё, после чего большими шагами ушёл.

Пламя свечей слегка качнулось от ветра, поднятого уходящей фигурой. Та прекрасная новая жена проводила его взглядом, а затем медленно, в свете свечей, обернулась. Половина её прекрасного лица была скрыта в темноте. На лице, казалось, была улыбка, но у Глории на миг по спине пробежал холод.

— Высокомерная принцесса хотела пожаловаться отцу, но потерпела неудачу. Как жалко, — Адела вытерла рот, спрыгнула со стула и засмеялась.

— О, Адела, нельзя так говорить. Быстро извинись перед сестрой, — остановила её та новобрачная.

— Прости, дорогая сестра, — Адела обернулась и сказала, но её высоко поднятый подбородок не давал Глории почувствовать ни малейшего раскаяния.

Но на это у неё уже не было сил обращать внимания, потому что всё это не шло ни в какое сравнение с тем оцепенением в миг, когда отец накричал на неё. В её голове на мгновение всё онемело, она не могла придумать ни одного слова и лишь так глупо смотрела на любившего её отца, слушая слова, от которых всё её тело болело.

Хотелось плакать, но слёзы не шли. Она чувствовала лишь онемение рук и ног и боль в сердце.

Кажется, она потерпела неудачу.

Никто её не защитит.

Ей казалось, что она вот-вот умрёт, что она сама вообще не в силах себя защитить.

— Эй, с тобой говорят, — кто-то, казалось, говорил у самого уха и даже толкал её.

— Как деревяшка. И не стыдно носить такое красивое платье.

— Ладно, идём играть.

Они, казалось, что-то говорили, а потом ушли. Остался лишь холодный обеденный стол и слегка качавшаяся в углу свеча, но она не светила ярко, будто бросила её одну в темноте.

...

Перед могилой снова полились слёзы. Она плакала не переставая. Хотя беззвучно, но, казалось, хотела выплакать все слёзы своей жизни — так горько, что даже задала такой вопрос:

— Почему, почему ты не забрала меня с собой? Мне так больно! Так больно, что хочется умереть!

Солнце было таким тёплым, но её тело, казалось, окутывала густая мгла, и мокрое от слёз лицо даже промочило её одежду.

«Почему те люди обязательно обижают маленькую девочку?!» — маленькая кошка не могла понять.

«Потому что никто её не защищает. Даже если обидят, ничего не будет», — сказал Сюй Юань.

«Нет другого способа?» — маленькая кошка тоже запечалилась. «Например, просто украсть её оттуда».

«Это нарушает правила», — Сюй Юань погладил её по голове и тихо сказал. «Не учись этому у Аймода».

Хотя такой способ прост и груб, но она, возможно, не захочет покидать отца и свой дом, ведь здесь ещё могила её матери и всё, к чему она привыкла.

Именно из-за чувств ей так больно.

«Но разве хозяин не может проучить ту пару?» — спросила маленькая кошка.

«Действительно, это способ. Тогда они будут дружелюбно к ней относиться», — сказал Сюй Юань.

Кошка кивнула.

«И её жизнь станет намного лучше», — сказал Сюй Юань.

Кошка продолжила кивать. Просто прекрасное будущее.

«А потом она проникнется к ним надеждой, станет думать, что они очень хорошие родители, и всю жизнь, куда бы ни пошла, не сможет им отказать и воспротивиться», — Сюй Юань посмотрел на очень горько плакавшую девочку.

Кошка, которая уже собиралась кивнуть, застыла на месте: «Это же настоящий кошмар».

Всю жизнь не смочь отказать и воспротивиться — такое будущее было слишком страшным.

По сравнению с её изначальной судьбой это было почти не лучше.

Надеяться, что кто-то спасёт, но когда спаситель больше не захочет давать, у неё даже не будет способности выжить самостоятельно и защитить себя и ребёнка.

И снова можно будет только позволять себя обижать, будто круг замкнулся. А то, на что она надеялась, — это как раз способность защитить себя.

Плач девочки в конце концов стих. Не потому, что ей стало не грустно, а потому, что она лежала там, словно совсем обессилив, и у неё больше не было сил плакать.

— Дорогая Глория, ты правда хочешь умереть? — когда раздался мягкий голос, её влажные глаза слегка шевельнулись.

— Да, — тихо сказала Глория. Она уже слишком устала.

— Даже если после смерти ты не сможешь увидеть мать, ты всё равно хочешь покончить с собой? — даже задавая такой вопрос, этот голос звучал мягко, как весенний ветер.

— Почему я не смогу увидеть маму? — Глория невольно села.

— Потому что ты не сделала ничего, что позволило бы попасть в рай, — тот мягкий голос будто оглашал её приговор. — А самоубийцы никогда не попадают в рай.

Это было как цепь, которая прямо замкнула это цветущее место в холодной тени.

— Тогда что мне делать? — Глория обняла себя, всё её тело холодело. — Мне так больно.

— Каждый человек, живя на свете, изначально встречает самые разные трудности. Может, есть и те, чей путь гладок до самого конца, но гораздо больше людей, встречающих всевозможные трудности, — мягко сказал Сюй Юань. — Солдат сталкивается с тем, что приходится проливать чужую кровь; земледелец беспокоится о всходах; рабочий боится потерять работу и остаться голодным; даже король печалится, не вторгнется ли в его земли другое государство. Я знаю, тебе очень больно, но убегать от проблемы через смерть лишь обрадует тех, кто тебя обижает, потому что это и есть их цель. Ты хочешь доставить им удовольствие?

<http://bllate.org/book/18299/2272233>